

Чэн Цзайе обнял его за плечи, какое-то время тоже смотрел на ночное небо и огни, а затем обернулся и спросил, глядя на всё ещё пустующий деревянный столик:

— Что нравилось бабушке? Давай купим ей что-нибудь на Новый год.

Взгляд Цзян Шоуяня на мгновение расфокусировался, прежде чем снова обрёл резкость. Он поднял руку, коснулся щеки Чэн Цзайе, заставив его обернуться к себе. Цзян Шоуянь поцеловал его и ответил:

— Ей нравилось всё. Она никогда не привередничала.

Приближался канун Нового года, и в сетевых супермаркетах было полно людей, закупающихся к празднику. После поездки домой Чэн Цзайе вернулся с кучей вещей, которые вручила ему бабушка. Она даже выбрала для него три разных варианта новогодних парных надписей — всё из-за опасений, что двое молодых людей не подготовятся как следует.

Вообще-то, новогодних товаров у них было предостаточно, и им вовсе не нужно было толкаться в магазине. Но Чэн Цзайе, общительный от природы, любил быть там, где кипит жизнь. Постояв на балконе и посмотрев на красные фонарики, развешанные на деревьях во дворе, он вернулся в комнату и сказал Цзян Шоуяню:

— Давай сходим в супермаркет, прогуляемся.

Цзян Шоуянь как раз примерял на Пушка одежду. Да, узнав, что у них есть щенок, родственники сшили для него несколько костюмчиков. Правда, не зная точных размеров, шили на вырост. Когда Пушка втиснули в ярко-красный наряд, он вообще разучился ходить. Пёсик распластался на диване и с невинным видом смотрел на Цзян Шоуяня. Тот потрепал его по

мягким ушам. Вдруг на плечо Цзян Шоуяня легла голова.

— Я вообще-то с тобой разговариваю. — Чэн Цзайе обнял его со спины, пальцами скользнул по руке Цзян Шоуяня, тоже потрепал собаку по голове. — Я заметил, что с тех пор, как у нас появился он, ты совсем перестал обращать на меня внимание.

Цзян Шоуянь повернул голову, слегка потёрся губами о край его уха и спросил:

— Что ты хочешь купить?

Чэн Цзайе с улыбкой ответил:

— Не знаю что, просто хочу погулять.

В ближайший сетевой супермаркет с животными не пускали, поэтому Пушка нужно было оставить дома. В три месяца щенку только и хотелось, что гулять. Увидев, что хозяйева уже почти вышли за дверь, но так и не достали из шкафа поводок, он от нетерпения закрутился волчком.

Чэн Цзайе решил подразнить щенка. Одной рукой держась за ручку двери, другой он будто бы случайно потянулся к ящику стола. Пушок тут же уселся ровнёхонько, его глаза заблестели в предвкушении. Тогда Чэн Цзайе наклонился, щёлкнул его по лбу и, растягивая слова, произнёс:

— А-те-бя-мы-не-возь-мём.

Наблюдавший за этой сценой Цзян Шоуянь, прислонившись к дверному косяку, безнадежно улыбнулся:

— Ну чисто ребёнок, не удивительно, что Пушок вечно за тобой гоняется и кусает.

Чэн Цзайе вытащил штанину из собачьих зубов, оттянул нижние веки указательными пальцами, корча щенку рожу, затем выпрямился и сказал:

— Пошли.

От злости Пушок пнул тапок Чэн Цзайе так, что тот отлетел в сторону.

В супермаркете было полно народу. Чэн Цзайе — высокий, крепкий, с выдающейся внешностью — в толпе притягивал взгляды прохожих, словно магнит. Цзян Шоуянь взвесил немного печенья и, подойдя к Чэн Цзайе увидел, что он с крайне серьёзным видом замер перед одной из полок. Непонятно было, что он там разглядывает.

Сгорая от любопытства, Цзян Шоуянь подошёл ближе и лишился дара речи от нелепости увиденного. Это была супермегаупаковка острых палочек латяо одной известной марки. Обычная упаковка размером с две ладони, а эта доходила Цзян Шоуяню до груди. Если купить такую огромную пачку и съесть её, то, наверное, до конца жизни больше не захочется смотреть на латяо.

Примечание переводчика. Латяо — популярная китайская закуска, острые палочки из соевой муки.

Цзян Шоуянь развернулся, собираясь уйти, но Чэн Цзайе схватил его за руку. Глаза у него блестели точно так же, как у Пушка при виде лакомства. Будь у него хвост, он бы уже радостно обвился вокруг руки Цзян Шоуяня и завилял.

— Сколько же тебе лет? — уточнил Цзян Шоуянь.

— Ну давай купим, давай! — протянул Чэн Цзайе.

И вот Чэн Цзайе под завистливыми взглядами детей, находящихся в супермаркете, сжимая в объятиях огромную упаковку латяо, сравнимую с ростовой подушкой, пошёл следом за Цзян Шоуянем к другому стеллажу, где было поменьше людей. Здесь продавались товары для дома: чашки, миски и тому подобное — ничего такого, чего бы не было у них дома.

Чэн Цзайе окинул взглядом полки и на самом нижнем ярусе заметил ряд небольших упаковочных пакетиков. Он хотел наклониться, но ему мешала упаковка латяо в руках. Он сменил позу и, опираясь на упаковку, присел на корточки. Не в силах на это смотреть, Цзян Шоуянь хотел приложить руку ко лбу, но тут перед ним появился маленький пакетик.

— Семена подсолнуха, — сказал Чэн Цзайе. — Давай купим, посмотрим, сможем ли вырастить.

Цзян Шоуянь взял пакетик, а Чэн Цзайе обернулся, чтобы найти подходящую ёмкость для посадки. В итоге он выбрал розовую керамическую кружку в форме улитки.

— Не маловата? — Цзян Шоуянь повертел кружку в руках, постучав пальцем по имитации панциря.

Чэн Цзайе ответил:

— Это всё равно временно. Неизвестно, прорастут ли вообще эти семена. А если дадут ростки, пересадим в большой горшок.

Расплатившись и выйдя из супермаркета, они вдруг поняли: семена купили, кружка есть, а земля? Чэн Цзайе уже собрался открыть карту в телефоне, чтобы поискать поблизости цветочный магазин, но Цзян Шоуянь взглянул на кружку размером с ладонь, накрыл экран телефона рукой и сказал:

— Незачем так заморачиваться.

А затем эта самая рука повела его к газону во дворе их жилого комплекса, где они с помощью ветки наковыряли немного земли, чтобы забрать её с собой. Чэн Цзайе, неся в руках маленький пакетик с землёй, крался мимо охранника у подъезда, словно вор. Идущий рядом Цзян Шоуянь не мог сдержать смеха.

Вернувшись домой, Цзян Шоуянь в прихожей принялся успокаивать обиженно скулящего Пушка, а Чэн Цзайе сел возле журнального столика изучать инструкцию на обратной стороне пакетика с семенами.

Когда Цзян Шоуянь подошёл к нему со щенком на руках, тот как раз пересыпал землю из полиэтиленового пакета в кружку. Земли они накопили немного: её хватило ровно на две трети объема. Чэн Цзайе сделал ватной палочкой пару лунок и бросил туда несколько семян. Цзян

Шоуянь, никогда раньше ничего не сажавший, наблюдал, как Чэн Цзайе аккуратно разравнивает землю, и мимоходом спросил:

— Они правда вырастут?

— Не знаю, — ответил Чэн Цзайе. — Как повезёт. — Он выбросил ватную палочку, взял кружку-улитку за ручку и спросил: — Куда поставим?

Цзян Шоуянь молча бросил взгляд за окно, и Чэн Цзайе поставил кружку на маленький деревянный столик на балконе.

Время пролетело незаметно. Вечером накануне Нового года за окном запускали фейерверки, а Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе уютно устроились на диване и смотрели новогодний гала-концерт. Слушая, как снаружи один за другим раздаются взрывы, Цзян Шоуянь вдруг увидел перед собой красный конверт. Судя по толщине, там было не меньше десяти тысяч юаней.

Цзян Шоуянь на секунду оторопел, повернул голову и спросил:

— Это подарок от тебя?

— Нет, бабушка просила передать. — Не успел он договорить, как достал из кармана ещё один: — А это от моей мамы.

Цзян Шоуянь смотрел на два красных конверта перед собой. Видимо, от растерянности он

долго собирался с мыслями, пока не выдавил из себя:

— Они дали их мне, а забрал ты?

Чэн Цзайе рассмеялся:

— Как бы иначе я тебе их передал?

Цзян Шоуянь запнулся:

— Почему ты не спросил меня заранее?

— Так вот теперь и спрашиваю: берёшь или нет?

Цзян Шоуянь совершенно не мог понять логику Чэн Цзайе. Принести деньги домой и только потом спрашивать, возьмёт ли он. А если не возьмёт, то что, прямо сейчас переводить обратно?

В прошлые годы на Новый год бабушка тоже дарила ему красные конверты. Сумма была небольшой, чисто на удачу — каждый год по 168 юаней.

Примечание переводчика. 168 — созвучно с «пусть твой путь будет устлан богатством/удачей».

Цзян Шоуянь думал, что в этом году останется без конверта, и, когда вспоминал об этом раньше, ему становилось немного грустно. Но сейчас, глядя на два пухлых красных конверта в руках Чэн Цзайе, он, несмотря на то что они были не от его бабушки, почему-то почувствовал тепло. Он опустил голову, взял их и сказал:

— Поблагодари их за меня.

Чэн Цзайе ущипнул его за щёку:

— Не буду я ничего передавать. Чей конверт, тот и благодарит.

В новогоднюю ночь все ложились поздно. Когда Чэн Цзайе отправил сообщение, Чэн Тун как раз играла в маджонг. Перебирая костяшки, она опустила взгляд на телефон, едва заметно улыбнулась и, повернувшись к стоявшему рядом отцу Чэн, сказала:

— Поиграй за меня немного.

Отец Чэн Цзайе не только хорошо говорил на путунхуа, но и отлично освоил маджонг под чутким руководством жены. Он сел за стол и, сосредоточенно глядя зелёными глазами на кости, принялся усердно защищать отвоёванные Чэн Тун позиции.

Бабушка ещё не спала. В кабинете на втором этаже она перебирала фотографии прошлых лет. Каждый год на праздник они делали семейный снимок. Она смотрела, как постепенно росли её дети, а затем один за другим появлялись внуки. В дверь кабинета постучали. Бабушка сняла очки и сказала:

— Войдите.

Чэн Тун толкнула дверь, держа в руке телефон:

— Цзайе пишет, что Шоуянь хочет поздравить тебя с Новым годом.

Бабушка потёрла переносицу там, где остались следы от очков, приладила волосы на висках и с невозмутимым лицом спросила:

— Во сколько?

Чэн Тун взглянула на время:

— В одиннадцать, через пять минут.

В гостиной Цзян Шоуянь в третий раз перед зеркалом поправлял воротник, в пятый раз приглаживал волосы и в энный раз спрашивал Чэн Цзайе, как ему лучше предстать — стоя или сидя. У него почти не было опыта общения со старшими родственниками. В прошлые годы они с бабушкой встречали Новый год вдвоём, так что можно было по пальцам пересчитать, сколько раз ему приходилось кого-то поздравлять. С трудом сформулировав в голове, что именно должен сказать, Цзян Шоуянь начал переживать, не слишком ли неформально он одет.

Цзян Шоуянь всегда был спокойным и отстранённым, казалось, ничто его не интересует и ничто не способно вызвать в нём бурю эмоций. Чэн Цзайе редко видел его в такой панике: от волнения у Цзян Шоуяня даже кончики ушей покраснели. От этого зрелища сердце Чэн Цзайе сладко щемило, словно его царапали кошачьи коготки.

— Ты и так отлично выглядишь.

Чэн Цзайе схватил Цзян Шоуяня за запястье и потянулся за поцелуем, но Цзян Шоуянь вовремя закрыл ему рот рукой:

— Нельзя, а то покраснеет.

Тогда Чэн Цзайе поцеловал его в ладонь и глухо произнёс:

— Не нервничай, вы же уже разговаривали по телефону.

— Мы сказали друг другу всего пару слов.

Чэн Цзайе со смехом обнял его, похлопал по спине и успокаивающе размял заднюю часть шеи:

— Не переживай, с моей мамой легко найти общий язык, и с бабушкой тоже.

Уговоры Чэн Цзайе не действовали: Цзян Шоуянь никак не мог справиться с волнением. Время звонка неумолимо приближалось, и вот Чэн Цзайе запустил видеозвонок Чэн Тун. Цзян Шоуянь инстинктивно сжал ладонь Чэн Цзайе. Тот одной рукой держал телефон, а пальцы другой крепко переплёл с пальцами Цзян Шоуяня. Когда установилась связь, он заговорил первым:

— С Новым годом, бабушка! Как прошёл праздничный ужин?

Телефон на том конце, видимо, был закреплён на подставке. Старушка чинно сидела в кресле и едва заметно кивнула:

— С Новым годом.

Чэн Цзайе слегка повернул камеру, и в кадре появилось лицо Цзян Шоуяня. Он до смерти нервничал, но как только начался звонок, сам собой успокоился. Ровным голосом он поздравил бабушку с Новым годом, поблагодарил её за конверт и сказал немало добрых пожеланий и таких тёплых слов, что уголки губ бабушки дрогнули в едва заметной улыбке.

Чэн Цзайе, контролируя ход беседы, заметил, что темы для разговора иссякают, и вовремя вставил:

— А где мама? Она ведь тоже передавала конверт.

Бабушка посмотрела куда-то за кадр. Цзян Шоуянь проследил за её взглядом и, увидев фигуру, медленно входящую в кадр, почувствовал, как сердце забилось быстрее. Это мама Чэн Цзайе...

Чэн Тун обернулась, слегка наклонилась и оперлась о подлокотник.

— Давно не виделись, — с улыбкой назвала она его по имени, — Цзян Шоуянь.

Цзян Шоуянь пристально посмотрел на неё, медленно извлекая это лицо из глубин памяти, и воскликнул от удивления:

— Учительница?!

<http://bllate.org/book/14908/1725657>